

онъ неосуществимы, что въ нашъ «индустриальный» и тонко-политический вѣкъ эти религиозныи истины, на которыхъ весь міръ долженъ стоять, неприложими, что теперь о нихъ могутъ говорить только политически «недальнозоркіе» люди и пылкіе фантазеры-утописты. Конечно, это объясненіе—еще одно лживое отворачиванье лица отъ правды. Прекрасное и разумное—это весь смыслъ нашей жизни и ради него поистинѣ стоять отказаться отъ нашей общественной борьбы и «политики».

Люди, глядящіе на религиозно-анархическія идеи, какъ на утопію, расписываютъ въ своемъ полномъ нравственному безилодіи и безсиліи. Человѣкъ, не способный ничего создать для своей жизни,—во всѣхъ тѣхъ случающихъ, когда ему приходится *хоть немножко* поработать надъ собой, всегда съ радостью ссылается на «утопичность». Въ нашъ вѣкъ быть элементарно честнымъ—это тоже, пожалуй, утопія!..

Теперь, когда «братство» добывается посредствомъ братской крови, когда то, что сегодня зовется преступленіемъ, завтра расцѣнивается, какъ подвигъ, а завтрашній подвигъ на другой день трактуется, какъ преступленіе, достойное разстрѣла,—въ наше время уже не ново—быть «новаторомъ» и построить какую нибудь виртуозную систему жизни. Гораздо труднѣе повторить старое—до такой степени настойчиво, убѣдительно и неопровергжимо, какъ это сдѣлалъ Левъ Толстой.

Современные городскіе, деревенскіе и общегосударственные дѣятели будто-бы спрашиваютъ: какъ? вы предлагаете жить хорошо? Да позвольте. Если бы мы начали жить хорошо, то мы бы не смогли уже жить дурно...

XI.

«Ты спросишь, какимъ образомъ достигнуть свободы? Для этого надо научиться различать добро и зло самому, а не по указаніямъ толпы».

Сенека.

«Мы сражаемся добрыми дѣлами»...

Оригенъ.

Одинъ докторъ—психіатръ рассказывалъ Л. Толстому, что однажды лѣтомъ, когда онъ выходилъ изъ больницы, душевно-больные сопровождали его до воротъ на улицу. «Пойдемъ со мной въ городъ», предложилъ имъ докторъ. Больные согласились, и небольшая кучка пошла за докторомъ. Но чѣмъ дальше они подвигались по улицѣ, гдѣ происходило свободное движение здоровыхъ людей, тѣмъ болѣе робѣли и все ближе и ближе жались къ доктору, задерживая его ходъ. И, наконецъ, всѣ стали проситься назадъ въ свою больницу, къ своему безумному, но привычному образу жизни, къ своимъ сторожамъ, побоямъ, длиннымъ рукавамъ, одиночникамъ...—«Такъ же жмутся и тянутся назадъ (говоритъ Л. Толстой), къ своему безумному строю жизни, своимъ фабрикамъ, судамъ, тюрьмамъ, казнямъ, войнамъ люди, которыхъ зоветъ христіанство на волю, на свободную разумную жизнь будущаго наступающаго вѣка»...

Всѣ мы считаемъ добро—якоремъ нашей жизни, но всѣ мы рабски идемъ ко злу. Въ юлѣ 1917 г. съѣздъ духовенства въ Москвѣ вынесъ чрезвычайно юмористическую, построенную на угодливой зависимости отъ нынѣшней «политики» резолюцію по поводу войны: «Несмотря на то, что